

Михаил Николаевич Чернятин.
Нью-Йорк, 1950-е годы

ИНДУС

На масленицу 1993-го мне посчастливилось познакомиться с Мишелем. Сошлись мы легко, с чувством той самой необыкновенной легкости, с которой встречаются давно знакомые люди. Свое имя Мишель получил во Франции. Там, на окраине Парижа, до войны был у него свой ресторанчик. А когда переехал в Нью-Йорк, это уже в 1950-х, то из чувства патриотизма или, быть может, ностальгии по второй родине сохранил имя за собой. Не захотел сменить его на американское, выстреливающее из гортани — Майкл. На самом деле моего нового друга звали Михаил Николаевич Чернятин. И происходил он из легендарного галлиполийского братства, от которого в среде русской эмиграции осталось одно лишь название. Мишель как-то сказал:

— Нас, галлиполийцев, теперь двое, я да еще Попов в Париже, наш бессменный председатель Общества.

Немудрено, ведь Михаилу Николаевичу на момент нашей встречи вот-вот должно было исполниться 93 года. Смерть как-то обходила его стороной. Хотя он и купил себе место на кладбище, поставил крест и на мраморной плите выбил всё, что полагается в таких случаях. По русскому обычаю — имя, отчество и фамилию, затем следовала дата рождения и... многообещающий прочерк. С каждым годом он всё больше и больше приводил в трепет посетителей кладбища при Ново-Девичьем монастыре, что невдалеке от Нью-Йорка, на Толстовской ферме. Дело шло к столетию, а смерть не приходила.

Вот в этом самом промедлении смерти мне и показалось что-то таинственное. В день нашего знакомства я приехал к Мишелю в Асторию, район Нью-Йорка поблизости с Манхэттеном, где издавна обосновались греки и итальянцы. Прямо с порога меня сразил его мягкий веселый голос:

— Хочешь рюмку мадеры? Это мое любимое вино...

Отказываться было глупо, до Великого поста оставалась еще неделя, и напускать на себя постную маску прежде времени было бы не по-христиански. То воскресенье действительно оказалось веселым, пришли друзья Мишеля — композитор Алла Павлова и Нина Волина, некогда жена известного в русском зарубежье поэта Михаила Волина. Мы сидели за столом, ели традиционные блины и еще авокадо с черной икрой. Мишель рассказывал белоэмигрантские истории. А я задавал свои излюбленные вопросы о писателе Георгии Гребенщикове и его деревне Чураевке.

В тот масленичный вечер праздновали допоздна. Нужно было хорошенько познакомиться. Мишель нас никак не отпускал домой. Он унаследовал от своего отца склонность к ночным бдениям, и жизнь у него к полуночи обычно только начиналась. Тогда мы слышали одно из детских воспоминаний.

Семья Чернятиных жила в Харькове. Отец Мишеля частенько сживал с друзьями за рюмкой вина всю ночь напролет. Однажды утром маленький Миша открыл дверь в кабинет отца и увидел, что тот еще не ложился спать, мирно сидел в своем кресле. К удивлению сына, на голове у главы семейства красовалась половинка арбуза.

— Что случилось? Почему арбуз на голове? — спросил Миша.

— Вот когда вырастешь, поймешь...

Слова отца оказались пророческими. Мишель всегда помнил этот случай и рассказывал его друзьям. Однако самая глав-

ная история была впереди. Именно из нее проглядывало таинство смерти.

Когда мы подружились, Мишель часто приглашал посидеть с ним в кафе. Мы шли на прогулку, пили кофе с молоком и часами беседовали о Гражданской войне. Вообще, всё началось с серебряного портсигара. Как-то Мишель показал мне свой талисман. Подарок отца в день восемнадцатилетия, 15 июня 1918 года. На верхней крышке портсигара красовалось семь слонов. Слоновья вереница шествовала на фоне восходящего солнца. Ниже, под слонами, глубоким тиснением была вырезана надпись: «Мы Приносим Счастье». Мишель сказал, что это индийские слоны. Раньше на портсигаре зияла вмятина. Оставила след шальная пуля на Перекопе. Уже во Франции крышку удалось выровнять. Портсигар спас от верной смерти.

Михаил Чернятин служил унтер-офицером на бронепоезде, в армии Врангеля. После Октябрьской революции харьковский студент, не доучившись в Химическом техникуме, ушел добровольцем на фронт. Он стал белым офицером. Отец тогда сказал Михаилу:

— Если бы я был на твоём месте, то поступил точно так же.

Началась военная жизнь. Бронепоезд курсировал между Харьковом и Синельниково, а потом спустился на юг до Джанкоя. Во время одного из рейдов в пригороде Харькова Мишель познакомился со своей будущей невестой. Поздно вечером на платформе одиноко стояла девушка в белом платье. Она возвращалась от подруги и опоздала на последний поезд. Конечно, солдаты забрали ее и доставили на бронепоезде в город. Мишелю девушка приглянулась, звали ее Нина. Она оказалась генеральской дочкой. Вскоре отец Нины умер и они с матерью отправились в Крым, как и большинство беженцев. Когда открылся Южный фронт, бронепоезд базировался в окрестностях Джанкоя, и Мишель на пересменке ездил в Симферополь на свидания с невестой.

Однажды, среди бела дня, Михаил Чернятин сидел в бронепоезде, в своем офицерском купе. Он был старшим по составу. Стояли где-то в степи. Время от времени приходилось выходить на воздух, посмотреть, как идут дела. В округе повсюду сновали солдаты по своим военным надобностям. Вдруг Мишель увидел ошеломляющую сценку. Трое солдат вели настоящего индийца, подталкивая его в спину прикладами винтовок.

— А ну, пошевеливайся, — выкрикивал мужичок крестьянского вида.

Когда они поравнялись с Мишелем, пленник взглянул на него пронзительными черными глазами, и душа просто опрокинулась.

— Эй, касатики, куда вы его ведете? — обратился Мишель к солдатам.

— Да вот, краснопузого впоймали. Придуряется, что пороссийски не разговляет. А сам всё понимает. Ща-ас в расход его пустим...

Мишель внимательно посмотрел на стройную фигуру, на чалму, на длинные запыленные одежды, за которыми угадывалось крепкое смуглое тело. Пленник был необычайно высокого роста, под два метра. В руке он сжимал маленький кожаный саквояж.

— Какой он красный?.. Это же индус! Ведите его ко мне.

Мишель начал по-офицерски обходительный разговор. Предложил сесть и спросил гостя, на каком языке ему предпочтительнее вести беседу. Тот ответил с легким акцентом по-русски, что предоставляет право выбора самому Мишелю.

— Что это за птица, если ему всё равно, на каком языке говорить, — пронеслось в голове удивление. — Предложу немецкий.

В техникуме Михаил Чернятин был отличником и бойко говорил по-немецки. Индус с легкостью согласился.

Беседа завязалась интересная, и по мере ее продолжения Мишель всё больше и больше проникался симпатией к непонятному страннику. Ему так и не удалось выяснить, зачем индус шел через линию фронта, прямо к красным. Но в душе неожиданно поселилось какое-то удивительное блаженство. Можно даже сказать, то был один из немногих моментов в его жизни, когда он испытал настоящее счастье. Мишель принял твердое решение. Вызвал конвой, приказал немедленно сопроводить индуса в штаб армии, где ему должны были выдать охранную бумагу. Разрешение беспрепятственно следовать через линию фронта. И даже не спросил имени индуса.

На прощание гость сверкнул сталью своих глаз и заявил, что хочет отблагодарить Мишеля.

— Проси, чего хочешь.

Мишель от неожиданности растерялся. Такое только в сказке бывает, про золотую рыбку. Казалось, на него обрушился девятый вал желаний. Хлынули разные воспоминания. Почему-то вспомнилось, как отдыхали с Нинель в парке у Таврического университета. Они часто свиданичали, сидя на лавочке у фонтана. Однажды во время их тихой голубиной беседы мимо прошел кавказец. Его рубаха была наполовину расстегнута, и на груди вспучилась обильная волосая растительность.

— Фу, какая обезьяна, — сказала Нина. — Не люблю волосатых мужиков.

Мишель, стоя перед индусом, здесь же вспомнил про свою грудь и выпалил:

— Можно мне волосы с груди убрать?

Индус улыбнулся и ответил:

— Можно.

Он раскрыл саквояж, и перед глазами Мишеля прошла целая батарея баночек с мазями и настойками. Достал одну баночку, поставил ее на стол. Потом запел на своем индусском

наречии удивительно красивую песню. Оказалось, это гимн Матери Кали, богине смерти.

— Теперь бери мазь и намазывай грудь.

Мишель послушно выполнил приказ. После чего ткнул пальцами в свои бакенбарды и спросил:

— А здесь можно убрать?

— Не прикасайся, — крикнул индус.

Но было уже поздно. Два белых пятна от пальцев навсегда отпечатались на щеке Мишеля.

Михаил Николаевич, рассказывая, артистически повернулся ко мне своей правой щекой.

— Это у меня память об индусе.

История на этом не закончилась. Спустя несколько месяцев начались ожесточенные сражения. Бронепоезд курсировал в районе Джанкоя. Осенними днями упал сильный туман, в шаге ничего не видать. Висел он три дня подряд. И от этой туманной скуки вдруг навалилась на Мишеля мысль — поехать в Симферополь повидаться с невестой. Он попросил своего друга поменять его на дежурстве. Мол, вернется — отдаст выходной. А когда вернулся, друга уже не было в живых. Сослуживцы рассказали, что в тот день туман неожиданно рассеялся. И все увидели, как два бронепоезда — белый и красный — стоят друг против друга в нескольких десятках метров. Выстрелили из орудий одновременно. И оба бронепоезда разнесло вдребезги.

Мишель остановился в этом месте своего рассказа.

— Знаешь, я подумал тогда... Нет, просто был уверен, меня спас индус.

Вскоре произошел еще один случай. Белая армия отступала и оборонялась уже на Перекопе. Вот тогда-то и угодила пуля в серебряный портсигар, спрятанный в нагрудном кармане. Незадолго до этого Мишель чуть было его не потерял. На полном ходу наклонился через перила бронепоезда и выронил

под колеса. Пришлось возвращаться назад. Все солдаты и офицеры высыпали на насыпь искать портсигар. Положение было крайне опасным. Бронепоезд остановился на территории красных, и они могли появиться в любой момент.

Много историй довелось услышать из уст Мишеля. Некоторые стали забываться. Но перед самым моим отъездом из Америки снова вспомнилось об индусе. Последнюю ночь я провел у Мишеля. Его дом находился в половине пути к аэропорту Джона Кеннеди. Это было удобно, иначе пришлось бы пересекать весь Нью-Йорк. Несмотря на ночное бдение, в то утро Мишель поднялся с постели очень рано. Стал прихорашиваться, долго ходил по комнатам. Предложил мне на прощание свое изысканное угощение — рюмку мадеры. И когда я уже собирался выйти из дома, подошел ко мне, стал лицом к лицу и сказал:

— Ты не знаешь, что за имя такое, Мория... Всё утро крутится в голове, не могу избавиться.

Потом затих на мгновение и добавил, как бы успокаивая самого себя:

— Наверное, что-то из прошлого...